

КОНТЕКСТ

А.А. ВОРОНОВИЧ*

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ В 2000-х ГОДАХ¹

Аннотация. Европейская интеграция стала ключевой декларируемой геополитической ориентацией Украины и Молдовы в 2000-х годах. Сближение с ЕС предполагает не только требование политических и экономических реформ, но и соответствие «европейским ценностям», к которым, среди прочего, относится и европейская политика памяти. Однако в европейской политике памяти сформировались две во многом противоречащих друг другу тенденции. Первая опирается на создание элементов общеевропейского исторического нарратива и коммеморацию Холокоста, подразумевающую ответственность всех европейцев за эту трагедию. Вторая тенденция, проявившаяся недавно, подразумевает осуждение тоталитарных режимов и фокусируется на страданиях собственного народа. В своем движении в сторону Европейского союза украинские и молдавские политики столкнулись с необходимостью соответствовать и возможностью использовать сначала только первую тенденцию, а примерно с 2009 г. – уже с существованием обеих. В статье проводится сравнительный анализ роли, которую играют

* **Воронович Александр Александрович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия), e-mail: alex.voronovici@gmail.com

Voronovici Alexandr, The International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, National Research University Higher School of Economic (Moscow, Russia), e-mail: alex.voronovici@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

две обозначенные тенденции общеевропейской политики памяти в государственной исторической политике в Украине и Молдове. Формирование двух противоречащих друг другу направлений в европейской политике памяти создало пространство для маневра для руководства стран, которые объявили европейскую интеграцию своей геополитической целью. В целом европейская политика памяти стала одним из источников легитимации политических режимов в Украине и Молдове в глазах европейских институтов и в то же время – инструментом внутриполитической борьбы. Ритуальной коммеморацией Холокоста власти Украины и Молдовы пытались прикрыть свои неудачи в сфере политических и экономических реформ. В свою очередь, в условиях неоднозначного отношения к советскому прошлому в Украине и Молдове европейское осуждение тоталитарных режимов стало удобным инструментом для внутриполитических битв. Цели и масштабы антикоммунистических кампаний в обеих странах разные, однако в обоих случаях европейские решения служат одним из способов легитимации «войн памяти». Вместо того чтобы служить объединяющим фактором, как это изначально задумывалось, европейская политика памяти нередко становилась одним из элементов, стимулирующих внутренние конфликты в Украине и Молдове.

Ключевые слова: политика памяти; европейская интеграция; Холокост; осуждение коммунизма; легитимация режимов.

Для цитирования: Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 204–230. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.09

A.A. Voronovici
The role of the European politics of memory
in the state historical politics of Moldova and Ukraine in the 2000 s

Abstract. In the 2000 s European integration became a key declared geopolitical goal in Ukraine and Moldova. Rapprochement with the EU presupposes not only the implementation of political and economic reforms, but also the conformity with “European” values.” Conformity with European memory politics is among such values. Yet, there are two conflicting trends within European memory politics. The first trend focuses on the creation of the pillars of the all-European historical narrative and the Holocaust commemoration, which presupposes the responsibility of all Europeans for this tragedy. The second approach, which formed recently, entails the condemnation of totalitarian regimes, and boils down to the sufferings of one’s own people. In the process of European integration Ukrainian and Moldovan politicians encountered the possibility to exploit the first trend and roughly after 2009 both of them. The paper compares the role of these two tendencies of European memory politics in state history politics in Ukraine and Moldova. The existence of two conflicting approaches of European memory politics created wiggle room for the governments, which declared European integration their goal. In general, European memory politics became the source of legitimacy for political regimes in Ukraine and Moldova and at the same time a weapon in the internal political struggle. Ukrainian and Moldovan governments have used the ritualistic commemoration of Holocaust to cover up the failures of their political and

economic reforms. At the same time, in the context of the ambiguous perception of the Soviet past in Ukraine and Moldova the European condemnation of totalitarian regimes became a tool of internal political battles. The scope and scale of the anti-Communist campaigns were different. Yet, in both cases the European decisions serve as one of the grounds for the legitimization of “memory wars.” Instead of becoming a uniting force, as it was originally conceived, European memory politics frequently turned out to be one of the factors, stimulating internal conflict in Ukraine and Moldova.

Keywords: memory politics; European integration; Holocaust; condemnation of Communism; legitimization of regimes.

For citation: Voronovici A.A. The role of the European politics of memory in the state historical politics of Moldova and Ukraine in the 2000s // Political science (ru). – M., 2018. – N 3. – P. 204–230. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.09

Европейская интеграция стала одним из ключевых пунктов в повестке дня государств бывшего Советского Союза в 2000-х годах, особенно на западных границах. Результаты были разными. Страны Прибалтики добились статуса полноправных членов Европейского союза. Беларусь в конечном итоге пошла по пути интеграционных процессов с Россией, хотя белорусское руководство продолжает участвовать в различных программах ЕС и не стесняется «заигрывать» с Брюсселем, когда отношения с Москвой ухудшаются. В свою очередь, в Украине и Молдове почти все правительства 2000-х годов декларировали в качестве цели европейскую интеграцию, несмотря на то что в целом среди населения этих стран не было единодушия по этому вопросу. Даже политические силы, приходившие к власти с пророссийскими лозунгами, так или иначе продолжали дрейф в европейскую сторону. В случае с Партией коммунистов Республики Молдова можно даже сказать, что она инициировала первые реальные шаги к евроинтеграции.

Евросоюз при этом всячески пытался поддерживать проевропейские устремления в Украине, Молдове и других странах на территории бывшего Советского Союза. В 2009 г. для этих целей Брюссель запустил Программу Восточного партнерства [Korosteleva, 2012], которая ставила целью более тесное сотрудничество со странами-участницами и постепенное приведение их к европейским нормам и ценностям. Шаги в сторону европейской интеграции в Украине и Молдове начались еще до запуска Восточного партнерства, однако программа должна была придать новый импульс этим процессам. Некой промежуточной кульминацией можно считать подписание в последние годы соглашений об ассоциации ЕС с Украиной, Мол-

довой и Грузией, а также введение безвизового режима с этими странами. Тем не менее остается вопрос о том, в какой мере эти решения Брюсселя обусловлены реальными успехами этих государств в реформах, а в какой – обострившимся геополитическим противостоянием с Россией. Достижения Украины и Молдовы в процессах демократизации, развития свободного рынка, социальных программ и инфраструктуры вызывают серьезную критику. Евроинтеграция Украины и Молдовы не сводилась к реализации и, нередко, имитированию политических и экономических реформ. Одним из негласных требований Брюсселя к этим странам было принятие норм европейской политики памяти. Именно это стало одним из столпов «европейских ценностей» и входным билетом в «европейскую семью».

Холокост – основополагающий элемент европейской политики памяти [Ассман, 2014, с. 279–280; Radonić, 2017, р. 269–270]. Этот подход основывается на уникальности Холокоста как основной европейской трагедии XX в., а также на коллективной вине и ответственности всех народов Европы за него. Коллективная ответственность всех европейцев опиралась на понимание того, что в Холокост были вовлечены не только нацистская Германия и ее союзники, но также местное население и политические группы на всех оккупированных территориях. Холокост оказался нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив в XX в. Ключевая роль Холокоста в политике памяти Европы и в целом Запада институционализировалась в таких структурах, как Международный альянс памяти Холокоста, Всемирный форум памяти Холокоста и т.д. Хотя Холокост постепенно становился ключевым элементом европейской политики памяти с 1970–1980-х годов, с начала 2000-х он прочно закрепился в основе общеевропейских коммеморативных практик. Одним из опорных пунктов стала Стокгольмская декларация 2000 г., которая легла в основу Международного альянса памяти Холокоста [Stockholm Declaration, 2000].

Закрепление за Холокостом центральной роли в европейской политике памяти совпало с расширением Европейского союза на восток, с постепенным вступлением в ЕС многих бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Коммеморация Холокоста стала одним из требований к новым странам, признаком принадлежности к «европейской семье». Такая политика памяти часто была неудобна для элит стран Центральной и Вос-

точной Европы. Это связано с тем, что нередко местные акторы, участвовавшие в Холокосте, в послевоенное время сформировали ядро антисоветского сопротивления и прославляются как национальные герои. Особенно это относится к странам Балтии. В результате, став полноправными членами ЕС, эти страны только поверхностно приняли повестку европейской политики памяти, заостренную на Холокосте. Одновременно они начали постепенно продвигать на европейской арене свою политику памяти, опирающуюся на собственный двойной статус жертвы коммунизма и в меньшей мере – нацизма. В целом страны Центральной и Восточной Европы значительно преуспели в этом направлении. Декларации Европейского парламента [European Parliament resolution... 2009] и Парламентской ассамблеи ОБСЕ [Vilnius Declaration... 2009, p. 48–49] 2009 г. можно даже интерпретировать как победу политики памяти, основанной на страдании собственного народа и криминальном характере тоталитарных режимов, над политикой памяти, опиравшейся в рамках общеевропейского нарратива на Холокост и коллективную вину за него [Миллер, 2016, с. 117]. Обе резолюции упоминали уникальность Холокоста и не уравнивали напрямую коммунизм и нацизм. Тем не менее общая смена акцентов была очевидна.

Важно подчеркнуть, что новое направление европейской политики памяти находится в конфликте со старым, который не всегда замечают (подробнее о противоречиях см.: [Миллер, 2016]). Старая тенденция опиралась на признание ответственности каждого народа за Холокост. В то же время новая тенденция возлагает ответственность за исторические страдания каждого народа на внешние «тоталитарные» силы. Таким образом, в 2000-х годах можно схематично выделить два основных периода в европейской политике памяти. До 2009 г. основной упор был на попытке построения некого объединяющего транснационального исторического нарратива, в котором коллективная ответственность всех европейцев за Холокост играла фундаментальную роль. После 2009 г., особенно на фоне экономических и политических кризисов в ЕС, укрепилось также другое направление. Оно позволило правительствам государств Центральной и Восточной Европы сфокусироваться в большей степени на собственном статусе жертвы коммунизма и нацизма. Для удобства первую тенденцию в ев-

ропейской политике памяти можно назвать тенденцией к общеевропейской ответственности, а вторую – тенденцией к самовиктимизации.

Несмотря на противоречавшие посылы с разным пониманием основных жертв и параметров исторической ответственности, оба описанных направления европейской политики памяти продолжают существовать. Руководства Украины и Молдовы в своих евроинтеграционных устремлениях столкнулись с необходимостью базового соблюдения общих правил европейской политики памяти. В то же время у них появилась возможность использовать европейскую политику памяти в своих целях. Постепенное формирование двух противоречащих друг другу тенденций создало возможности для маневра местных политических сил. В этой статье в сравнительном ключе рассматривается роль общеевропейской политики памяти в государственной политике памяти в Украине и Молдове. Основной фокус сделан на коммеморацию Холокоста и попытки вписать национальный нарратив в общеевропейский и осуждение тоталитарных режимов, прежде всего коммунизма. Европейская политика памяти играет важную роль в Украине и Молдове и на других уровнях, например, в академических и общественных дискуссиях и проектах. Однако в этой статье рассматривается только уровень руководства двух восточноевропейских государств.

Методологически исследование опирается на ситуативный подход к изучению исторической политики. Таким образом, в статье анализируется поведение акторов в сфере исторической политики в контексте изменяющейся внутренней и международной конъюнктуры. В центре внимания автора – переплетение и взаимосвязь международного (европейского) и внутреннего контекстов политики памяти. Решение внутри- и внешнеполитических задач украинского и молдавского руководства рассматривается в условиях изменений в европейской политике памяти. В целом европейская политика памяти стала одним из источников легитимации политических режимов в Украине и Молдове в глазах европейских институтов и в то же время – инструментом внутриполитической борьбы. Различные политические силы, оказавшись у власти, маневрировали и пытались использовать ключевые мотивы европейской политики памяти в борьбе со своими политическими оппонентами. Именно двойственность европейской политики памяти создала пространство для таких маневров.

В этом контексте необходимо учитывать, что Украина и Молдова – разделенные государства в отношении геополитических предпочтений и по вопросам идентичности. В Молдове по всем опросам до сих пор население примерно равно разделено в своих геополитических предпочтениях между ЕС и Россией. В Украине только после событий 2014 г. европейская опция стала уверенно преобладать в опросах, хотя результаты далеко не всегда однозначны и имеют определенное региональное измерение¹.

В Молдове с точки зрения политики памяти основной водораздел проходит между румынистами и молдовенистами, что также отражает два различных взгляда на идентичность местного титульного населения (подробнее см.: [Cusco, Voronovici, 2016]). Румынисты считают местное население румынским, говорящим на румынском языке. Золотым веком считается период нахождения Бессарабии в составе «Великой Румынии» (1918–1940). Значительная часть румынистов также положительно воспринимают режим Антонеску. В результате румынисты часто замалчивают участие Румынии в Холокосте или же перекладывают всю ответственность на нацистскую Германию. Оппоненты румынистов, молдовенисты, напротив, подчеркивают участие режима Антонеску в Холокoste. Молдовенисты считают, что молдаване – отдельная от румынской нация. Молдовенистский исторический нарратив преимущественно опирается на попытки проследить историческую преемственность молдавской государственности. Они негативно воспринимают румынское влияние в Молдове, а периоды румынской власти расценивают как оккупацию. При этом молдовенисты более позитивно воспринимают российский имперский и советский периоды. Румынисты оценивают эти периоды негативно, считая их годами оккупации. Таким образом, в сфере исторической политики наблюдается борьба между двумя вариантами национального исторического нарратива с во многом противоположными оценками ключевых исторических элементов².

¹ Например, в феврале 2015 г. только 12,3% (за два года до этого показатель составлял 37,5%) опрошенных высказались за вступление в Таможенный союз с Россией, в то время как за вступление в ЕС – 47,2% (в феврале 2013 г. – 36,6%). Однако в 2015 г. также 27,3% высказались за невступление ни в один из союзов [Геополитические ориентации граждан Украины... 2015].

² Необходимо отметить, что речь идет об идеальных типах. В рамках этих групп в Украине и Молдове есть активисты, которые не в полной мере придер-

В Украине также существуют два основных противоборствующих исторических нарратива, которые конкурируют на государственном уровне, хотя оба опираются на логику «национальной истории» (подробнее о «национализации истории» и «войнах памяти» в Украине см.: [Касьянов 2012]). Один можно назвать националистическим, он прослеживает телеологическое движение украинского народа к собственной государственности и основан на героизации исторических борцов за ее независимость и развитие. Националистический нарратив также подчеркивает статус украинского народа как жертвы перед лицом внешних сил, особенно России (Советского Союза). Соответственно, в рамках этого нарратива негативно воспринимается советский период Украины и особо восхваляются борцы с ним, особая героическая роль достается ОУН-УПА как антисоветским борцам за украинское государство. Вовлеченность этих групп в Холокост и антипольские акции преимущественно замалчиваются или даже отрицаются. Необходимо отметить, что такой нарратив активно поддерживается в Украине и на международной арене влиятельными группами украинской диаспоры, роль которой в украинской исторической политике велика [Rudling, 2011, р. 24–26]. В Молдове, в свою очередь, не приходится говорить о каком-либо влиянии диаспоры, хотя радикальные румынисты нередко пользуются поддержкой определенных сил в Румынии. Оппоненты националистического нарратива в Украине также придерживаются многих элементов национального нарратива, особенно в отношении истории до XX в., но они оценивают советский период не в столь негативных красках. Например, Голодомор также занимает важное место в этом нарративе, однако он не подается исключительно как геноцид украинского народа. Негативно воспринимается радикальный украинский национализм, особенно ОУН-УПА. В целом представители этого нарратива в политике используют советско-ностальгические чувства части населения Украины. В какой-то мере различия в культурах памяти в Украине имеют и региональное измерение, которое сохранилось даже после 2014 г. [Shevel, 2016 а, р. 259–260]. При этом вместо

живаются всех обозначенных позиций и имеют более гибкие представления. Также есть группа специалистов и активистов, пытающихся выстроить в той или иной мере нарратив, отличный от обозначенных двух, однако их влияние на государственном уровне достаточно ограничено.

простого разделения на Запад и Восток по некоторым вопросам уместно рассматривать чуть более сложную картину [Osipian, Osipian, 2012].

Общеевропейская ответственность в европейской политике памяти и государственная историческая политика в Молдове и Украине в первое десятилетие 2000-х годов

Обе страны примерно в одно время встали на путь европейской интеграции, хотя в различных контекстах¹. В Украине это произошло после «оранжевой революции» и с приходом к власти Виктора Ющенко. В Молдове интеграция стала стабильным и приоритетным курсом во время правления Партии коммунистов Республики Молдова. Коммунисты пришли к власти в 2001 г. как сторонники близких отношений с Россией и защитники прав меньшинств в Молдове, но вскоре они совершили поворот в сторону Европы. Исследователи нередко связывают такое резкое изменение geopolитической ориентации с провалом подписания Меморандума Козака в 2003 г. и последовавшим похолоданием в российско-молдавских отношениях [Crowther, 2007]. Помимо этого есть признаки, что у части коммунистического руководства постепенное движение в сторону европейской интеграции началось раньше. Тем не менее в последующие годы европейский курс Молдовы был закреплен на следующих парламентских выборах 2005 г., в декларациях парламента, подписанием плана действий Молдова – ЕС и других актах.

И молдавские коммунисты, и В. Ющенко имели четкую линию в исторической политике. Молдавские коммунисты придерживались преимущественно молдовенистской линии. В частности, это предполагало вытеснение румынистских тенденций в образовании. В Украине Виктор Ющенко, находясь под влиянием украинской диаспоры, проводил историческую политику, опиравшуюся

¹ Так или иначе и Украина, и Молдова участвовали в различных европейских структурах – таких как Совет Европы. Примерно к началу 2000-х годов политические силы начали воспринимать в качестве программной практической задачи устойчивое сближение с ЕС с надеждой в долгосрочной перспективе на вступление в него. В какой-то мере это совпало со все большей вовлеченностью самого ЕС в этом регионе.

на украинские националистические представления. Ключевыми элементами исторической политики Ющенко стали восхваление и героизация ОУН-УПА и упор на жертвенный нарратив украинской истории в советские годы, с основным фокусом на Голодомор как геноцид украинского народа. Европейская политика памяти, на тот момент опирающаяся на тенденцию общеевропейской ответственности, была удобна молдавскому руководству, при этом создавала трудности Ющенко.

Ссылаясь на общеевропейский опыт и ценности и консультируясь с европейскими структурами, молдавские коммунисты вытесняли из школьной программы предмет «История румын». «История румын» преподавалась в школах на протяжении всех 1990-х и в начале 2000-х годов (о преподавании истории в школах в Республике Молдова см.: [Musteață, 2010]). Авторы учебников опирались на румынский националистический нарратив. Первым делом коммунистические руководители попытались ввести вместо курса «История румын» курс «История Молдовы», но эта попытка (и некоторые другие решения, такие как введение обязательного изучения в школах русского языка) столкнулась с жесткой оппозицией активной части академических кругов, в которых большую часть составляли румынисты, и прорумынски настроенных политических сил, организовавших серию массовых протестов. В итоге коммунистическое правительство (в какой-то мере также под давлением европейских структур) отступило и начало разработку альтернативной программы преподавания истории, которая маргинализировала и постепенно исключала «Историю румын» из школьной программы. Взамен двух курсов – «Истории румын» и «Всеобщей истории» – в школьной программе коммунисты предложили единый курс «История», основанный на концепции «интегрированной истории». В рамках этого курса коммунистическое правительство пыталось вписать преподавание истории Молдовы в общеевропейский и общемировой контекст¹. Благодаря такому

¹ В какой-то мере предложенная концепция стала результатом активности сил в партии коммунистов, которым было «тесно» в рамках узкого молдовенистского нарратива. Идея «интегрированной истории», видимо, исходила от других групп в партии и ближайшего ее окружения. Показательно, что некоторые сторонники преподавания «Истории Молдовы» выступали с критикой «интегрированной истории», хотя и те и другие стремились переориентировать преподавание истории с «Истории румын» на историю Молдовы.

маневру преподавание истории в школе теряло свой румынский фокус и нарратив, характерный для неудобной коммунистам «Истории румын».

Коммунистическое руководство Молдовы умело использовало европейские структуры (Совет Европы, ПАСЕ), а также некоторые неправительственные общеевропейские организации (ЕВРОКЛИО), для легитимации предложенного курса истории. В разработке нового курса правительство призывало опираться на рекомендации ПАСЕ в сфере «региональной истории» [Hotărârea Guvernului... 2002]. Европейские специалисты и структуры были активно вовлечены в разработку новой стратегии преподавания истории. Кроме того, в оправдание нового курса, который находился под градом критики внутри страны, при его разработке первые лица молдавского руководства, от президента В. Воронина до вице-министра образования постоянно ссылались на поддержку Европы и «европейские ценности» [Президент Республики Молдова... 2003; Президент Республики Молдова Владимир Воронин и Генеральный секретарь Совета Европы Вальтер Швиммер... 2003]. Привлечением европейских специалистов и постоянными отсылками к европейскому контексту пытались преодолеть сопротивление нововведениям в историческом образовании в политической и интеллектуальной среде. Решая собственные задачи в сфере преподавания истории, коммунисты легитимизировали свою позицию отсылками к европейским тенденциям и институтам. Так как их многие воспринимали, а политические оппоненты подавали как пророссийскую силу, эффект такого дискурса был особенно силен. Европейская легитимация нового школьного курса стала попыткой выбить из рук его оппонентов геополитический аргумент и подать новую стратегию исторического образования как своего рода «европейский компромисс». Правда, стоит отметить, что в итоге учебники для нового единого курса «Истории» были далеки от заявленных стандартов и целей, в частности, из-за спешки и неподготовленности авторов.

Коммунисты активно занялись и коммеморацией истории евреев в Молдове. Это вполне вписывалось в их курс поддержки национальных меньшинств, а также их взглядов в сфере исторической политики. Несомненно, это также совпадало с тенденциями в европейской политике памяти. Например, в 2003 г. в Молдове были организованы памятные мероприятия по случаю столетней годов-

щины Кишиневского погрома, а президент В. Воронин передал в Музей Холокоста в Вашингтоне документы из архива Службы информации и безопасности о Холокосте на территории Бессарабии. Тем не менее, хотя Холокост занял более заметное место в исторической политике в период правления партии коммунистов, это не предполагало обязательное признание ответственности собственного народа за Холокост. Скорее, помимо общих взглядов на историю Второй мировой войны, коммеморация Холокоста была также удобна для коммунистов с утилитарной точки зрения. В частности, в новых учебниках ответственность за Холокост в Бессарабии и Приднестровье ложилась на Румынию и режим Антонеску. Таким образом поднятие ранее замалчиваемой темы Холокоста наносило удар по оппонентам коммунистов, прорумынским партиям и румынистам.

В Украине в период президентства В. Ющенко сложилась другая ситуация в отношении проводимой исторической политики и ее соответствия европейским ожиданиям. В отличие от коммунистов в Молдове, Ющенко и поддерживавшая его коалиция пришли к власти как прозападная альтернатива воспринимавшемуся как пророссийский Виктору Януковичу. Ющенкоставил целью сближение с Европой, в том числе и в сфере политики памяти, что было заметно в его попытках отмечать окончание Второй мировой войны, вписывая Украину в общеевропейский контекст и традиции коммеморации (подробнее см.: [Klymenko, 2015, p. 394–396])¹. Однако подход Ющенко в отношении героизации ОУН-УПА и широкомасштабной национальной и международной кампании признания Голодомора геноцидом с числом жертв, превышавшим Холокост, вызвал значительный международный резонанс [Касьянов, 2010, с. 102–105]. Оба этих направления в исторической политике противоречили европейской тенденции общеевропейской ответственности, которая в те годы еще доминировала. Попытки признания Голодомора геноцидом с числом жертв, превышающим Холокост, ставили под сомнение уникальность последнего для европейской истории и памяти (о попытках многих восточноевро-

¹ Впрочем, подход В. Ющенко к коммеморации окончания Второй мировой войны служил и другой цели – попытке вытеснить нарратив Великой Отечественной войны, который во многом противоречил проводимой Ющенко политике памяти.

пейских государств найти свой «геноцид» см.: [Финкель, 2012]). В свою очередь, героизация ОУН-УПА, известных на Западе участием в Холокосте и антипольских акциях, отрицала ответственность местного населения за трагедию. Чтобы преодолеть противоречия между героизацией ОУН-УПА, их антисемитизмом и негативным восприятием среди западных партнеров, близкие группы Ющенко продвигали концепцию ОУН-УПА как плюралистской силы, которая спасала евреев [Rudling, 2011, р. 28–30]. Парадоксальным образом основные элементы исторической политики прозападного президента Ющенко шли вразрез с основными тенденциями европейской политики памяти [Rudling, 2016, р. 30]; в то же время эти противоречия стимулировали разносторонние академические и общественные дискуссии по вопросам истории и памяти [Himka, 2011; Narvesius, 2012]. Это вызывало недовольство, а иногда и протесты на общеевропейском уровне и в рамках отдельных европейских стран.

Необходимо отметить, что Ющенко не игнорировал Холокост в своей исторической политике – скорее он активно использовал его для продвижения собственной политики. Так, он достаточно активно участвовал в коммеморации Холокоста. В 2006 г., в 65-ю годовщину трагедии в Бабьем Яру, где нацисты и их местные коллaborанты расстреляли более 30 тысяч евреев, в Киеве прошел Международный форум памяти Холокоста. В своей речи на Форуме президент подчеркивал важность Бабьего Яра как места не только еврейской, но общей трагедии различных этнических групп Украины. Он также опустил вопрос участия украинцев в Холокосте, подчеркнув при этом роль украинцев, спасавших евреев [International forum... 2006]. Такой подход был заметен и при дальнейших коммеморациях Холокоста в Украине, в которых участвовал Ющенко. В следующую годовщину он возложил цветы возле мемориала расстрелянным членам ОУН, участие которых в антисемитском насилии он не раз отрицал. Кроме того, Ющенко неоднократно пытался представить Голодомор как «украинский Холокост». В декларациях и нормативных актах о Голодоморе и пояснительных записках к ним эти две трагедии нередко шли в паре. Холокост служил примером и аргументом к признанию за Голодомором статуса геноцида, криминальной ответственности за непризнание этого статуса и так далее [Касьянов, 2010, с. 62–68]. Ющенко использовал коммеморацию Холокоста как для усиления

своего аргумента о «геноцидном» характере Голодомора, так и, очевидно, для задабривания западных партнеров, возмущенных некоторыми его решениями в сфере исторической политики. В целом его политика укладывалась в распространенную в Восточной Европе концепцию приравнивания жертв двух тоталитарных режимов – нацизма и коммунизма – и исключения ответственности собственной нации за эти преступления. Только к последнему году президентства Ющенко тенденция самовиктимизации закрепилась в политике памяти на общеевропейском уровне. Впрочем, даже несмотря на это, Европарламент раскритиковал решение Ющенко присвоить Степану Бандере звание Героя Украины и выразил надежду, что будущее украинское руководство пересмотрит это решение и «сохранит приверженность европейским ценностям» [European Parliament resolution... 2010].

Тенденция самовиктимизации в европейской политике памяти и антикоммунистические мотивы в государственной исторической политике Молдовы и Украины после 2010 года

Изменения в политике памяти на общеевропейском уровне с выходом на тенденции самовиктимизации совпали с переменами в политическом руководстве Молдовы и Украины. В Молдове после массовых беспорядков, разгрома здания парламента и перевыборов коммунисты потеряли власть, и к руководству пришел «проевропейский» альянс, объявивший курс на европейскую интеграцию своим приоритетом, хотя в значительной степени то же относилось и к предыдущим правительствам. В Украине в 2010 г. Виктор Янукович победил на президентских выборах. Многие это воспринимали как победу пророссийских взглядов. В целом новое украинское руководство действительно было намного более открыто к сотрудничеству с Россией, в том числе и в сфере исторической политики. Тем не менее дрейф Украины в западном, европейском направлении продолжился вплоть до ноября 2013 г., когда во многом неожиданно было принято решение приостановить подписание соглашения об Ассоциации Украины с ЕС, что привело к началу Евромайдана.

По сравнению с националистическим курсом Ющенко в исторической политике новая украинская власть опиралась на куль-

туру памяти, предполагавшую более положительный взгляд на советский период и российский фактор и негативное отношение к радикальному украинскому национализму XX в. Тем не менее это не отменяло общей приверженности концепции национальной истории в политике и образовании. Будучи преимущественно технократом, Виктор Янукович не имел выраженной линии исторической политики, которая во многом свелась к откату по некоторым позициям его предшественника, в частности, к отмене решений по героизации Шухевича и Бандеры.

Важным моментом этого периода стало введение в 2011 г. Дня памяти жертв Холокоста. Это решение стало одним из пунктов постановления Верховной рады о 70-летии трагедии в Бабьем Яру. При этом в качестве Дня памяти жертв Холокоста было предложено 27 января, т.е. Международный день памяти Холокоста и дата, не привязанная непосредственно к событиям в Бабьем Яру [Про 70-річчя трагедії Бабиного Яру... 2011]. В то же время в объяснительной записке к проекту постановления никак не объясняется и даже не упоминается дата 27 января, хотя очевидно, что за таким выбором стоит именно международный контекст. Другим интересным фактом является то, что проект был предложен депутатом Коммунистической партии Украины. Достаточно очевидно, что это также была попытка политических сил, выступающих против курса на реабилитацию ОУН-УПА, создать коммеморативный день, который они могли использовать против своих идеологических противников.

В Молдове приход новых сил на смену правившей восемь лет партии коммунистов также привел к изменениям в исторической политике. Одной из основных политических задач правящего проевропейского альянса стало снижение популярности партии коммунистов. Последняя по различным опросам пользовалась поддержкой у населения, приблизительно сопоставимой со всеми правящими партиями вместе взятыми. Антикоммунистическую кампанию в сфере исторической политики возглавил исполняющий обязанности президента в 2009–2010 гг. спикер парламента Михай Гимпу, лидер самой популярной прорумынской партии в Молдове. Гимпу создал Комиссию по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова. Основываясь на результатах ее деятельности, он объявил 28 июня Днем советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунисти-

ческого режима. Очевидно, что при создании Комиссии и проведении антикоммунистической политики Гимпу и его окружение опирались на прибалтийский и восточноевропейский опыт схожих комиссий. Однако это не было отражено в президентских декретах, хотя комиссия привлекала участников схожих институтов в Восточной Европе для изучения их опыта (это можно проследить в сборнике текстов к конференции, организованной частью комиссии, см.: [Fără termen de prescripție, 2011]).

Результаты работы Комиссии, в частности предложения по запрету коммунистической символики, не были использованы в полной мере. Проевропейская коалиция в несколько видоизмененном составе вернулась к предложениям Комиссии в 2012 г. В значительной степени эти результаты оставались актуальными, так как рейтинги Партии коммунистов оставались высокими и даже росли. В то же время члены правящей коалиции теряли популярность из-за слабых темпов реформ и коррупционных скандалов. У правящего альянса были опасения, что на следующих выборах коммунисты могут одержать победу. Они попытались лишить коммунистов их узнаваемого символа в бюллетенях для голосования. В июле 2012 г. правящая коалиция запретила использование символики «коммунистического тоталитарного режима». В этот раз была представлена вся родословная принятого решения. Закон ссылался на резолюции и декларации ПАСЕ, ОБСЕ и, что немаловажно, на упомянутое решение Европейского парламента 2009 г. [Парламент Республики Молдова... 2012]. Таким образом, правящая проевропейская коалиция использовала новую тенденцию самовиктимизации в европейской политике памяти для обоснования и легитимации своего резонансного решения. Примерно через год Конституционный суд признал этот закон неконституционным, помимо прочего опираясь на рекомендации Венецианской комиссии [Конституционный суд... 2013]. Однако это решение вскоре начало терять свою актуальность ввиду того, что Партия коммунистов постепенно растрачивала свой политический капитал.

В Украине схожие антикоммунистические мотивы политики памяти стали актуальны позднее и в другом контексте. После Евромайдана, последовавшей смены власти и событий в Крыму и на Донбассе новое руководство посчитало выгодным переформатировать символическое пространство Украины и фактически перевести в еще более горячую фазу идущую в стране «войну памяти».

Пакет из четырех законов, в спешке принятых в апреле 2015 г., дал старт официальной «декоммунизации» украинского публичного пространства. Пакет «декоммунизации» состоял из законов «об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов», «об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне», «о правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке» и «о доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима». Некоторые сторонники объяснили принятие этих законов целями национальной безопасности, особенно в условиях, когда пророссийские сепаратисты использовали символы и мифы Великой Отечественной войны¹ (подробнее об этом см.: [Shevel, 2016 b, p. 34–35; Yurchuk, 2016, p. 127]). Несомненно, эти законы отражают возросшее влияние националистических идей в украинских правящих кругах после Евромайдана. Здесь также необходимо подчеркнуть ключевую роль Украинского института национальной памяти в разработке этих законов. Институт, созданный по примеру комиссий и институтов других стран с социалистическим прошлым, в последние годы стал источником множества резонансных решений и деклараций. В плане конфликтного характера деятельности украинский институт стоит в первых рядах даже среди своих ближайших аналогов [Касьянов, 2016].

Первый закон полностью соответствовал тенденции самовиктимизации. Как и молдавский закон о запрете коммунистической символики, украинский вариант начинался с преамбулы, которая устанавливала связи с шестью решениями Совета Европы, ОБСЕ и Европейского парламента [Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного... 2015]. Таким образом, авторы легитимизировали новый закон как часть общеевропейской тенденции. Однако, в отличие от молдавского закона, который фактически ограничивался запретом коммунистической символики, решение Верховной рады имеет более широкие амбиции. Спектр предусмотренных мер значительно шире: от собственно запрета «тоталитарной символики» до ликвидации памятников советским лиде-

¹ Стоит отметить, что украинская сторона также прибегала к элементам нарратива Великой Отечественной войны в своих мобилизационных кампаниях и информационных войнах с Россией и пророссийскими силами в Украине.

рам и изменения топографии посредством переименования населенных пунктов. Также бросается в глаза наличие в украинском законе упоминаний нацистского режима, которые отсутствуют в молдавском случае. Впрочем, заметно, что в украинском законе нацизм в значительной степени является только удобным фоном и посредством тоталитарного уравнивания – дополнительным аргументом для криминализации коммунизма. Такая разница может быть обусловлена различными целями двух законов. В молдавском случае задача была преимущественно ситуативная: ослабить и создать проблемы главной оппозиционной силе – партии коммунистов. В украинском случае мы сталкиваемся с более фундаментальным и широким подходом, где принятые законы являются попыткой подавить альтернативную культуру памяти. Европейские тенденции последних лет в политике памяти оказались удобны для обоснования такого решения внутриполитических задач. Кроме того, резкое ухудшение российско-европейских отношений после событий 2014 г. значительно расширило возможности для маневра в исторической политике для стран Восточной Европы. Хотя не все украинские инициативы в сфере политики памяти вызывают одобрение в Европе¹, тем не менее она преимущественно смотрит сквозь пальцы на кампании и решения, которые раньше воспринимались как подрывающие отношения с Россией.

Необходимо отметить, что другой элемент европейской политики памяти, сфокусированный на Холоксте, также оказывает влияние на местную историческую политику. Несмотря на то что его влияние после формирования и принятия противоречащего ему нового нарратива ослабло, так или иначе коммеморация Холокоста остается частью репертуара, который европейские структуры ожидают от членов «европейской семьи». Это позволяет восточноевропейским режимам использовать коммеморацию Холокоста в качестве «дешевого» (по сравнению со структурными реформами) способа легитимации и поднятия своего имиджа в глазах западных партнеров. Коммеморация Холокоста становится во многом ритуальным действием. Общий репертуар украинских и молдавских властей сводится к публичным декларациям, мероприятиям, связанным с Днем памяти жертв Холокоста 27 января (в Молдове – с

¹ В некоторых случаях, как в Польше, принимаемые в Украине решения вызывают резкую негативную реакцию и ответные меры.

2016 г.), открытию памятников и музеев. Однако все эти действия преимущественно не предусматривают признания ответственности собственного народа за эту трагедию, что было изначальным фундаментальным элементом тенденции общеевропейской ответственности в политике памяти. В Украине закон «о правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке» [Про правовий статус та вшанування пам'яті борців... 2015] фактически исключил из обсуждения возможных участников антиеврейского насилия многих местных акторов. В свою очередь, в Молдове даже декларация 2016 г. о принятии финального рапорта комиссии Эли Визеля, которая изучала ответственность румынских властей за Холокост в середине 2000-х годов, не подразумевала признания ответственности собственного народа. Молдавский парламент ограничился тактичным упоминанием «нацистов и их коллаборантов». Таким образом, хотя в последние годы коммеморация Холокоста активно эксплуатируется украинскими и молдавскими властями, прежде всего для внешнеполитических целей, на внутренней арене это не приносит им каких-либо значительных политических потерь, которые могли принести вопросы ответственности местных акторов. Ответственность за Холокост возлагается на внешний фактор, «нацистов» и иногда даже на Советский Союз. Еврейская трагедия в таком нарративе нередко растворяется в общей трагедии населения территории конкретного государства, которое становится жертвой внешних «тоталитарных» сил. В немалой степени это последствие закрепления на общеевропейском уровне тенденции самовиктимизации.

Заключение

Формирование двух противоречащих друг другу направлений в европейской политике памяти создало пространство для маневра для руководства стран, которые объявили европейскую интеграцию своей геополитической целью. В целом элементы общеевропейской политики памяти умело используются местным руководством в качестве дополнительного аргумента для легитимизации собственной исторической политики. Форма наполняется содержанием, необходимым для достижения собственных внутриполитических и внешнеполитических целей. Вместо того чтобы слу-

жить объединяющим фактором, как это изначально задумывалось, европейская политика памяти нередко становилась одним из элементов, провоцирующих внутренний конфликт в Украине и Молдове. Коммеморация Холокоста на государственном уровне в обеих странах в значительной степени стала ритуальным поверхностным действием, не предусматривающим признания ответственности собственного народа. Соответствием, пусть поверхностным и ритуальным, европейским нормам памяти, пытаются нередко скрыть несоответствие им с точки зрения политических и экономических реформ.

В свою очередь, в условиях неоднозначного отношения к советскому прошлому в Украине и Молдове осуждение тоталитарных режимов стало удобным инструментом для внутриполитической борьбы. В Молдове пик использования этого аргумента пришелся на первую половину 2010-х годов, когда Партия коммунистов была основной оппозицией правящему режиму. В Украине это стало особенно актуальным после Евромайдана и последовавших событий, когда осуждение тоталитарных и, прежде всего, коммунистического режима стало одним из ключевых элементов государственной борьбы с культурой памяти, которая идеологически или повседневно в той или иной мере связана с советским прошлым. В обоих случаях, хоть и в разных конфигурациях и пропорциях, сохраняется раскол в geopolитических предпочтениях и культурах памяти. Отказ европейских структур от жесткой позиции по продвижению тенденции общеевропейской ответственности и релятивизация этого посыла в рамках тренда самовиктимизации создают противоречивые ориентиры. В какой мере такая эволюция политики ЕС углубляет расколы в культурах памяти на европейском иколоевропейском пространстве, предстоит узнать в будущем. На данный момент приходится говорить скорее о достаточно успешном утилитарном использовании местными акторами европейской политики памяти в собственных целях, чем о торжестве «европейских ценностей».

Список литературы

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

Геополитические ориентации граждан Украины: Устойчивое и изменчивое последних лет (февраль 2012 – февраль 2015). – 2015. – Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=507&page=1> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 217–255.

Касьянов Г. Danse macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). – Київ: Наш час, 2010. – 271 с.

Касьянов Г. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006–2016). – 2016. – Режим доступа: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016> (Дата посещения: 24.03.2018.)

Конституционный суд. Постановление № 12 от 04.06.2013 о контроле конституционности некоторых положений, касающихся запрещения коммунистической символики и пропаганды тоталитарных идеологий (Обращение № 33 а/2012). – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/349032/> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Конституционный суд. Постановление № 17 от 12.07.2010 о контроле конституционности Указа № 376-V от 24 июня 2010 года об объявлении дня 28 июня 1940 года Днем советской оккупации. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/335354/> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. – М., 2016. – № 1. – С. 111–121.

Парламент Республики Молдова. Постановление № 191 от 12.08.2012 об исторической и политико-правовой оценке тоталитарного коммунистического режима в Молдавской Советской Социалистической Республике. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=344634&lang=2> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Президент Республики Молдова Владимир Воронин встретился с г-жой Элисон Карделл – руководителем группы экспертов Совета Европы, работающих над разработкой и внедрением курса всеобщей истории Молдовы. – 2003. – 18 февраля. – Режим доступа: <http://89.32.231.202:8080/press.php?p=1&s=902&lang=rus> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Президент Республики Молдова Владимир Воронин и Генеральный секретарь Совета Европы Вальтер Швиммер приняли участие в торжественном открытии Центра образовательных инноваций, созданного при поддержке СЕ. – 2003. – 5 ноября. – Режим доступа: <http://89.32.231.202:8080/press.php?p=1&s=1409&lang=rus> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Про 70-річчя трагедії Бабиного Яру. Постанова Верховної Ради України 05.07.2011. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/3560-17> (Дата посещения: 28.03.2018.)

Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки. Закон України. – 2015. – 09.04. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/317-19> (Дата посещения: 28.03.2018.)

- Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті Закон України. – 2015. – 09.04. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/314-19> (Дата посещения: 28.03.2018.)
- Финкель Е.* В поисках «потерянных геноцидов»: Историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липмана (ред.). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 292–327.
- Crowther W.* Moldova, Transnistria and the PCRM's turn to the West // East European quarterly. – Boulder, Colorado, 2007. – Vol. 41, N 3. – P. 273–304.
- Cusco A., Voronovici A.* The «politics of memory» and «historical policy» in Post-Soviet Moldova and Transnistria: Competing narratives and uses of an uncertain past // ІСТОРІЯ, ПАМ'ЯТЬ, ПОЛІТИКА: Збірник статей / Г. Касьянов, О. Гайдай. (ред.). – Київ: Інститут історії України НАН, 2016. – С. 155–198.
- European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. – 2009. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN> (Accessed: 25.03.2018.)
- European Parliament resolution of 25 February 2010 on the situation in Ukraine. – 2010. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0035+0+DOC+XML+V0//EN> (Accessed: 25.03.2018.)
- Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa / Coord. Sergiu Musteață, Igor Căluță. – Chișinău: Cartier, 2011. – 792 p.
- Himka J.-P.* Debates in Ukraine over nationalist involvement in the Holocaust, 2004–2008 // Nationalities papers. – Levittown, PA, 2011. – Vol. 39, N 3. – P. 353–370.
- Hotărârea Guvernului Republicii Moldova (nr. 217) «Cu privire la unele măsuri de îmbunătățire a studierii istoriei», 22.02.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – Chisinau, 2002. – 16 martie, N 39. – art. 346.
- International forum «Let my people live!», 27 September 2006. Viktor Yushchenko's Address. – 2006. – Mode of access: http://www.worldholocaustforum.org/eng/past_events/2/speech/Yushchenko.php (Accessed: 25.03.2018.)
- Klymenko L.* World War II or Great Patriotic War remembrance? Crafting the nation in commemorative speeches of Ukrainian presidents // National identities. – Abingdon, 2015. – Vol. 17, N 4. – P. 387–403.
- Korosteleva E.* The European Union and its Eastern neighbors: Towards a more ambitious partnership? – L.: Routledge, 2012. – 188 p.
- Musteață S.* Educația istorică între discursul politic și identitar în Republica Moldova. – Chișinău: Pontos, 2010. – 354 p.
- Naryselius E.* The «Bandera Debate»: The Contentious legacy of World War ii and liberalization of collective memory in Western Ukraine // Canadian Slavonic papers. – Toronto, 2012. – Vol. 54, N 3/4. – P. 61–83.
- Osipian A.L., Osipian A.L.* Regional diversity and divided memories in Ukraine: Contested past as electoral resource, 2004–2010 // East European politics and societies. – Berkeley, 2012. – Vol. 26, N 3. – P. 616–642.

- Radonić L.* Post-Communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the europeanization of memory // National identities. – Abingdon, 2017. – Vol. 19, N 2. – P. 269–288.
- Rudling P.A.* The cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth making with complications // Fascism. – Leiden, 2016. – Vol. 5, N 1. – P. 26–65.
- Rudling P.A.* The OUN, the UPA and the Holocaust: A study in the manufacturing of historical myths. – Pittsburgh: Center for Russian and East European Studies: Univ. of Pittsburgh, 2011. – 72 p. – (The Carl Beck papers in Russian & East European Studies; N 2107.)
- Shevel O.* No way out? Post-Soviet Ukraine's memory wars in comparative perspective // Beyond the Euromaidan: Comparative perspectives on Advancing reform in Ukraine / H.E. Hale, R.W. Ortung (eds). – Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 2016 b. – P. 21–40.
- Shevel O.* The battle for historical memory in postrevolutionary Ukraine // Current history: A journal of contemporary world affairs. – Philadelphia, 2016 a. – P. 258–263.
- Stockholm Declaration. – 2000. – Mode of access: <https://www.holocaustremembrance.com/stockholm-declaration> (Accessed: 25.03.2018.)
- Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session 2009. – 2009. – 70 p. – Mode of access: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (Accessed: 25.03.2018.)
- Yurchuk Y.* Reclaiming the past, confronting the past: OUN–UPA memory politics and nation-building in Ukraine (1991–2016) // War and memory in Russia, Ukraine and Belarus / J. Fedor et al. (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 107–137.